

Кириллова Зоя Николаевна, Фахриева Лейля Хамбалевна

МЕТАФОРЫ В ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

В данной научной статье осуществляется сопоставительное исследование татарских переводов русской поэзии XIX века, в частности стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, с подлинником для анализа метафор. Переводы выполнили татарские писатели А. Исхак, А. Юнус, М. Садри, А. Файзи, А. Ерикей, Н. Арсланов. Выбор авторов и их произведений обусловлен не только их популярностью, но и особенностью их литературного языка, отличительной чертой которого являются оригинальные изобразительно-выразительные средства. Авторами анализируются вопросы адекватного воплощения метафор поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова на татарском языке. Рассматривается проблема воссоздания смысла оригинала с сохранением особенностей его формы, которая стоит перед переводчиками поэтического текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 80-83. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Следует отметить, что испанская компьютерная терминология борется с ненормативным с точки зрения графики и грамматики вмешательством английского языка, а также способствует сохранению национального колорита.

Особенности **национального колорита** проявляются в:

- преобладании предложных конструкций;
- использовании терминов-глаголов в начальной форме;
- внедрении фразеологических словосочетаний с сохранением коннотативных значений, свойственных представителям испанской языковой среды.

Следует отметить, что в компьютерной терминологии имеется незначительное количество терминов, калькируемых с прямым порядком слов по нормам английского языка. Функционирование таких терминов в исходной форме носит эрративный характер с точки зрения грамматики испанского языка, сравним: *fin de archivo* (англ. *end of file*) ‘конец файла’; *fin de texto* (англ. *end of text*) ‘конец текста’; *fin de transmisión* (англ. *end of transmission*) ‘конец передачи’; *instrucción hacer nada* (англ. *do nothing instruction*) ‘холостая команда’.

Изучение и классификация таких терминов является перспективным направлением для дальнейшего исследования.

Список источников

1. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
2. Ивлиева Е. А. Роль метафоры в процессе терминологического образования (на материале испанских компьютерных терминов): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2014. 23 с.
3. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
4. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат и его речемыслительное обоснование. Минск: Изд-во Минского ун-та, 1999. 195 с.
5. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
6. Alarcón Álvarez E. Diccionario de términos informáticos e Internet. Madrid: Anaya multimedia, 2007. 416 p.
7. Pfaffenberger B. Diccionario de términos de computación. México: Prentice Hall, 1999. 576 p.

ON THE PROBLEM OF CALQUING IN THE SPANISH COMPUTER TERMINOLOGY

Ivlieva Elena Alekseevna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
elena.ivlieva@gmail.com

Computer terminology originated at the junction of various sciences by calculating new terms from the source language. In this article, an attempt is made to classify the calqued lexemes in the Spanish computer terminology. The dominant type is determined. The peculiarities of the formation and functioning of the calqued computer terms in the Spanish language are considered. The main problems for the further study are formulated.

Key words and phrases: informatics; term; calque; metaphor; borrowing.

УДК 81'255.2

В данной научной статье осуществляется сопоставительное исследование татарских переводов русской поэзии XIX века, в частности стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, с подлинником для анализа метафор. Переводы выполнили татарские писатели А. Исхак, А. Юнус, М. Садри, А. Файзи, А. Ерикей, Н. Арсланов. Выбор авторов и их произведений обусловлен не только их популярностью, но и особенностью их литературного языка, отличительной чертой которого являются оригинальные образно-выразительные средства. Авторами анализируются вопросы адекватного воплощения метафор поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова на татарском языке. Рассматривается проблема воссоздания смысла оригинала с сохранением особенностей его формы, которая стоит перед переводчиками поэтического текста.

Ключевые слова и фразы: поэзия Пушкина; поэзия Лермонтова; поэзия Некрасова; поэтический текст; художественный перевод; метафора.

Кириллова Зоя Николаевна, к. филол. н., доцент
Фахриева Лейля Хамбалева
Казанский (Приволжский) федеральный университет
zkirillova@yandex.ru; leilya-lovely-fakhrieva@mail.ru

МЕТАФОРЫ В ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

В литературе татарского народа художественный перевод играет исключительную роль. До начала XX века на татарском языке издавались произведения греческих, французских, английских, немецких, голландских,

польских и финских писателей. А начало XX века ознаменовалось в татарской литературе большим количеством переводов из русской литературы. Следует отметить, что общение с передовой русской культурой оказало плодотворное влияние на становление реализма в татарской поэзии и прозе. В советский период на татарском языке также представлено большое количество произведений русской классической и советской литературы. Например, произведения А. С. Пушкина издавались в переводе на татарский язык более 50 раз, общий тираж составляет около полумиллиона экземпляров; Л. Н. Толстой издавался около 40 раз, общий тираж около 350 тыс. экз.; А. П. Чехов – более 20 раз, тираж около 200 тысяч экземпляров; И. С. Тургенев – около 20 раз, тираж более 150 тысяч экземпляров; М. Ю. Лермонтов издавался 14 раз, тираж 100 тысяч экземпляров и т.д. Большой популярностью также пользовались произведения Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, А. И. Куприна и многих других. Среди переводчиков поэзии большой активностью отличились Ахмет Исхак, Нури Арсланов, Ахмед Файзи, Ахмед Ерикеев, Шайхи Маннур, Салих Баттал, Энвер Давыдов, Заки Нури, Адхат Синегулов и др. В результате творческого взаимодействия татарская литература сумела обогатить арсенал своих изобразительных средств, да и татарский литературный язык значительно расширил свои возможности. Все новое в области стиля и языка, полученное посредством перевода, применялось писателями в их оригинальном творчестве, способствовало усовершенствованию литературного языка [4, с. 7-10].

Лексико-фразеологическая система русского и татарского языков в сопоставительно-типологическом плане представляет собой сочетание общих и специфических элементов. Различным способам передачи в переводе лексических изобразительно-выразительных средств посвящены работы А. В. Федорова [7], Р. А. Юсупова [8] и других исследователей. Изучение лексических средств, социолингвистических особенностей двух языков, проблем взаимоотношения языков и общества имеет также большое теоретическое и практическое значение [1; 2].

Своеобразие поэтики А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова объясняется тем, что они выражают всю глубину русского языка, образное мышление русского народа. Переводчики не могут перенести эти особенности на свой язык механически, им нужно постараться найти точный эквивалент слова и всех образных средств, используя все возможности родного языка.

По мнению ученых, перевод метафор осуществляется четырьмя способами: 1) дословный перевод; 2) перевод с изменением некоторых компонентов, при котором образ оригинала в основном сохраняется; 3) замена метафоры оригинала метафорой языка перевода, соответствующей по переносному значению, но различающейся по выражаемому ею образу; 4) компенсация, т.е. если ту или иную метафору в языке перевода невозможно выразить соответствующей метафорой, ее значение передается необычным средством [8, с. 120-121]. Метафоры русского и татарского языков, переводимые первым и вторым способами, т.е. с сохранением образности и переносного значения, представляют собой общие для данных языков лексические изобразительные средства. Третий способ передачи метафор с одного языка на другой употребляется тогда, когда дословный перевод и перевод с несущественным изменением компонентов оригинала приводит к нарушению норм языка, а также к созданию неестественных и непонятных носителям языка изобразительных средств. По четвертому способу – в результате компенсации перевод в целом получается адекватным оригиналу, так как для компенсации потери метафоры в другом случае необычное средство оригинала переводится образным. Однако компенсация должна осуществляться лишь в пределах одного произведения и речи одного персонажа, иначе это приведет к искажению оригинала. Таким образом, метафоры, переводимые посредством замены и компенсации, представляют собой специфические тропы языков [Там же, с. 120-122].

Рассмотрим художественный перевод лексических изобразительно-выразительных средств – метафор, перевод которых выполнен на татарский язык по первому способу. «Тобой, одной тобой... Унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит, / И сердце вновь горит и любит – оттого, / Что не любить оно не может» [6, с. 44]. / “Minem häsrätimne / Hiçber närsä bülderä almy / Yöräk yana, yöräk tibä gel, / Çönki ul / Söymičä buldırı almy” [10, b. 17] (Мое горе / Ничто не может остановить. / Сердце горит, сердце стучит всегда, / Потому что оно / Не любить не может); «Не говори: / Так вянет молодость! / Не говори: / Вот жизни радость!» [6, с. 26]. / “Äytmä hiç zinhar: / Tormış şulay, dip. / Äytmä hiç zinhar: / Yäşlek sula, dip” [10, b. 34] (Не говори, пожалуйста: / Что жизнь такова. / Не говори, пожалуйста, / Что вянет молодость). В данных примерах мы видим дословный перевод метафор (сердце горит – yöräk yana, вянет молодость – yäşlek sula). Но следует отметить, что в переводе второго примера смысл оригинала усиливается (yöräk yana (сердце горит), yöräk tibä (сердце стучит)). Тем не менее перевод находим удачно выполненным, ибо он соответствует оригиналу как по смыслу, так и по эмоциональности. «Погасло дневное светило; / На море синее вечерний нал туман. / Шумы, шуми, послушное ветрило, / Волнуйся подо мной, угрюмый океан» [6, с. 51]. / “Kön çırağı – qoyaş sünde küptän; / Töste zäñgär diñgezgä kiçke toman. / Şawla, şawla äydä, kündäm cilkän, / Dulqınlan tübändä, moñsu okean” [10, b. 18] (Дневная лучина – солнце погасло давно: / Спустился на синее море вечерний туман. / Шумы, шуми давай, послушное ветрило, / Волнуйся внизу, грустный океан); «Где наша роза, / Друзья мои? / Увяла роза, / Дитя зари» [6, с. 56]. / “Duslarım, roza / Qayda, ni bulğan? / Tañ balası bit, / Rozabız sulğan” [10, b. 44] (Друзья мои, роза / Где, что случилось? / Дитя же зари, / Наша роза увяла); «Как землю нам больше небес не любить? / Нам небесное счастье темно; / Хоть счастье земное и меньше в сто раз, / Но мы знаем, какое оно» [3]. / “Nik cirne söymäskä küklärän küberäk? / Çönki bez küktäge baxetne belmibez; / Cir baxte bulsa da yöz tapqır kimeräk, / Ul nindi ikänne beläbez inde bez” [9, b. 135] (Зачем землю не любить больше небес? / Потому что мы небесного счастья не знаем; / Хоть земное счастье и меньше в сто раз, / Оно какое, знаем уж мы) и т.д. Перевод перечисленных нами выше

метафор осуществлен посредством приема калькирования. В целях сохранения рифмы А. Исхак глагол *töşte* (спустился) использует в начале строки. В данном случае явление инверсии использовано в поэтической речи для привлечения внимания читателя или слушателя к самым важным в смысловом отношении словам.

Далее остановимся на метафорах, которые переведены по второму способу. «И чувствую: в очах родились слезы вновь; / *Душа кипит и замирает*» [6, с. 61]. / “Sizäm, küzgä yaşlärem kilä tağın; / *Yarsıy häm tına canım*” [10, b. 45] (Чувствую, на глаза наворачиваются слезы вновь; / Бушует и успокаивается моя душа). В этом примере мы встречаемся с явлением сужения смысла слова. Если в «Русско-татарском словаре» глагол *kipit* переведен как *qayıtı*, то глагол *замирает* дан как *qatıp qala*. Несмотря на небольшие тонкости, данный вариант перевода находим удачным, ибо это устойчивое выражение активно используется в татарской речи. «Мы пьем *из чаши бытия* / С закрытыми очами, / Златые омочив края / Своими же слезами» [3]. / “Bez bu *tormış qäsäsennän* / Eçäbez yomıp küzne, / Anıñ altın ernäwenä / Tüger küz yäşebezne” [9, b. 139] (Мы из этой чаши жизни / Пьем, закрывая глаза, / На ее золотые края / Проливая наши слезы); «Жила грузинка молодая, / В гареме душном увядая; / Случилось раз: / Из черных глаз / *Алмаз любви, печали сын*, / Скатился» [3]. / “Yäş gruzınqa tora ide, / Tin sarayda sula ide; / Şulay ber köndä / Qara küzendä / *Söyü cäwhäre, xäsrät balası* / Kürende menä” [9, b. 140] (Молодая грузинка жила, / В тихом дворце увядала; / Так в один день / На черных глазах / Любовный жемчуг, дитя печали / Стал виден вот); «*В золотую пору малолетства* / Всё живое – счастливо живет, / Не трудясь, с ликующего детства / Дань забав и радости берет» [5]. / “Bar tereklek yäşi räxätlänep / *Balalıqnıñ altın çağında*, / Köç tükmiçä, ala sabıylıqtan, / Şatlıq, qızıq, räxät – barın da” [9, b. 156] (Все живое пребывает в удовольствии / В золотую пору детства, / Не растрчивая силы, берет от детства, / Радость, интересное, удовольствие – все). В переводах, выполненных А. Ерикеев, З. Нури, А. Исхаком, А. Файзи, при передаче метафор наблюдается изменение одного компонента (*yäşäyeş (çınbarlıq) qäsäsennän* (из чаши бытия (действительности)) – *tormış qäsäsennän* (из чаши жизни), *mäxäbbät (söyü) almazı* (алмаз любви) – *söyü cäwhäre* (жемчуг любви), *xäsrät ulı* (сын печали) – *xäsrät balası* (дитя печали), *balıçaqnıñ – balalıqnıñ* (детства)). С нашей точки зрения, предложенные варианты перевода удачны, изменения, внесенные переводчиками, не нарушают смысл оригинала. «Я пережил свои желанья, / Я разлюбил свои мечты; / Остались мне одни страданья, / Плоды *сердечной пустоты*» [6, с. 67]. / “Söymäs buldım inde xıyalları, / Teläklärem bette, taraldı, / Tik ğazaplar ğına miña qaldı, / *Can buşlığı* birde aları” [10, b. 45] (Не люблю уже мечты, / Мои желанья закончились, рассеялись, / Лишь остались мне мучения, / Их отдала душевная пустота). Из этих строк нельзя не признать талант Н. Арсланова как умелого переводчика: смысл поэтического текста полностью раскрыт, перевод воспринимается читателем как оригинал. Здесь метафору *сердечной пустоты* переводчик передает не как *yöräk buşlığı* (сердечная пустота), а как *can buşlığı* (душевная пустота). В связи с этим стих имеет красивое татарское звучание.

Как показали наши исследования, метафор, переведенных по третьему способу, немного. «Приветствую тебя, пустынный уголок, / Приют спокойствия, трудов и вдохновенья, / Где льется *дней моих невидимый поток* / На лоне счастья и забвенья» [6, с. 79]. / “Minem awlaq, tin roçmağım, säläm siña, / Säläm ilham, hezmät häm yal tapqan cirem. / Sindä bähät häm ontılı qoçağında / *Gömer yılğam kürenmiçä* ağa minem” [10, b. 64] (Мой укромный, тихий уголок, привет тебе, / Привет, моя земля, где я нашел вдохновение, труд и отдых. / В тебе в объятьях счастья и забвенья / Моя река жизни невидимо течет). Как видим из этого примера, метафора *дней моих невидимый поток* переведена как *ğömer yılğam* (моя река жизни). По нашему мнению, А. Исхак сумел найти активно употребляющийся в татарской речи эквивалент, использовав наречие *kürenmiçä* (невидимо) для конкретизации смысла. И в следующем примере считаем, что А. Исхаку удалось подобрать удачный эквивалент в татарском языке: «Блеща средь полей широких, / Вон он льется!.. Здравствуй, Дон! / От сынов твоих далеких / *Я привез тебе поклон*» [6, с. 76]. / “Balqıp ağa inde änä / Ul kiñ qırda!.. Sawmı, Don! / *Alıp qayttım* siña *säläm* / Ullarıñnan, danlı Don” [10, b. 59] (Блеща, течет уже вот / Он на широком поле!.. Здравствуй, Дон! / Привез тебе привет / От твоих сыновей, славный Дон).

Следует отметить тот факт, что и к четвертому способу перевода лексических средств, а именно метафор, переводчики обращаются реже. Возможно, это объясняется тем, что они более точно и объективно подходят к подбору эквивалентных единиц языка перевода: «На холмах Грузии *лежит* ночная *мгла*; / Шумит Арагва предо мною. / Мне грустно и легко; печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою» [6, с. 60]. / “Ğruziäneñ tawlarında / Kiçke *toman*, / Minem alda şawlıy Arağwa, / Ğämle dä, ä ciñel. / Sin uyımda minem hamanda” [10, b. 36] (На горах Грузии / Вечерний туман, / Передо мной шумит Арагва, / Грустно, но легко. / Ты в мыслях моих все еще). В данном примере метафора переведена простым словом, без каких-либо смысловых оттенков, сохранена рифма. Если бы М. Джалиль дословно перевел как *toman yata* (*лежит туман*), то наблюдалось бы искажение звучания стихотворения.

Подытоживая изложенное, мы можем сказать, что в переносном употреблении слов русского и татарского языков наблюдается сочетание общих свойств со специфическими. В метафорическом употреблении русских и татарских примеров из проанализированных нами произведений общность языков наблюдается в структуре, семантике, лексико-грамматическом оформлении, а также в переносных значениях и образах метафор.

Наше исследование показало, что сопоставительное изучение татарского перевода стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова и Н. Некрасова с оригиналом в целях выявления и анализа метафор очень интересно и важно для татарского переводоведения. Реальные и потенциальные возможности татарского языка позволили перевести метафоры стихотворений с сохранением значения, образности и эмоционально-экспрессивной силы оригинала.

Список источников

1. Кириллова З. Н. Рус-татар икетеллеге шартларында фәнни терминнар һәм аларны тәржемә итү // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (25-27 мая 2017 г.). Казань: КазГИК, 2017. С. 280-285.
2. Кириллова З. Н. Татарский язык в центральных организациях Татарстана (1920-1930-е гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 110-112.
3. Лермонтов М. Полное собрание стихотворений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=92137> (дата обращения: 27.11.2017).
4. Миннибаев К. С. Перевод – это искусство. Золотой век. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 196 с.
5. Николай Некрасов. Все стихи на одной странице [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <http://rupoem.ru/nekrasov/all.aspx> (дата обращения: 27.11.2017).
6. Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1954. Т. 1. 511 с.
7. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб. – М.: Филологический факультет СПбГУ; ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
8. Юсупов Р. А. Соотношение разноструктурных языков и вопросы перевода. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 225 с.
9. İshaq Ä. İlhamnar çışmäse: dönya şağirlärennän tärcemälär. Qazan: Tat. kit. näşr., 1985. 344 b.
10. Puşkin A. S. Saylanma äsärlär 2 tomda: şığerlär, poemalar, “Yevgeniy Onegin” romanı, äkiätlär, drama äsärläre. Qazan: Tatqniğozdat matur ädäb. red-se, 1954. Т. 1. 743 b.

METAPHORS IN TRANSLATIONS OF RUSSIAN POETRY OF THE XIX CENTURY IN THE TATAR LANGUAGE

Kirillova Zoya Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Fakhrieva Leilya Khambalevna
Kazan (Volga Region) Federal University
zkirillova@yandex.ru; leilya-lovely-fakhrieva@mail.ru

The article carries out a comparative study of the Tatar translations of the XIX-century Russian poetry, in particular, the poems of A. Pushkin, M. Lermontov, N. Nekrasov with the original texts for the analysis of metaphors. The translations were performed by the Tatar writers A. Iskhak, A. Yunus, M. Sadri, A. Faizi, A. Erikay and N. Arslanov. The choice of authors and their works is conditioned not only by their popularity, but also by the peculiarity of their literary language, the distinctive feature of which is the original descriptive and expressive means. The study analyzes the issues of the adequate embodiment of the metaphors of the poetry by A. Pushkin, M. Lermontov and N. Nekrasov in the Tatar language. The paper considers the problem of recreating the meaning of the original text with preservation of features of its form, which stands before the translators of the poetic text.

Key words and phrases: poetry of Pushkin; poetry of Lermontov; poetry of Nekrasov; poetic text; literary translation; metaphor.

УДК 81'42:070

Статья раскрывает содержание понятий «оценочность» и «оценка». Оценка подразумевает демонстрацию положительного или отрицательного отношения субъекта коммуникации к сказанному в тексте. Оценочность рассматривается как универсальная категория дискурса СМИ. Тесно связанная с понятиями эмоциональности, эмотивности, экспрессивности, модальности оценочность выступает как свойство языковых средств формировать аксиологическое поле текста и выражать отношение субъекта коммуникации к сказанному. Оценка в дискурсе СМИ социально обусловлена, может быть как рациональной, так и эмоциональной, носить как эксплицитный, так и имплицитный характер.

Ключевые слова и фразы: оценочность; дискурс СМИ; эмоциональность; эмотивность; экспрессивность; модальность; рациональная оценка; эмоциональная оценка; имплицитная оценка; эксплицитная оценка.

Комиссарова Наталья Григорьевна, к. филол. н., доцент

Якупова Диляра Ринатовна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
natakomis@mail.ru; dilyara0893@mail.ru

ОЦЕНОЧНОСТЬ В ДИСКУРСЕ СМИ

Внимание ученых в современной науке с ее тенденцией к исследованиям междисциплинарного характера все более концентрируется на том, как язык – объект познания – связан с его носителем – субъектом познания. В этой связи многие проблемы науки о языке рассматриваются через данную призму. Не является исключением и категория оценочности в дискурсе, о которой пойдет речь в данной статье.

Большое число лингвистов, изучавших область выражения оценочных значений (Н. А. Арутюнова, Т. В. Маркелова, А. Вежицкая, В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян и др.), свидетельствует о сложности и многогранности исследуемого явления. В работах данных исследователей оценка и оценочность пересекаются с понятиями экспрессивности, эмоциональности, эмотивности, модальности и анализируются сквозь призму взаимодействия языка и речи, субъективного и объективного в языке.